

КРИТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ В. БРЮСОВА АРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ: ВЕК СПУСТЯ

Ключевые слова: *антология, Брюсов, столетие, критические оценки, актуальность.*

Об антологии «Поэзия Армении», 100-летие которой мы в этом году отмечаем, существует огромная научно-критическая литература. Этой теме посвящены монографии на русском и армянском языках, статьи, различные публикации. Казалось бы, тема «Брюсов и Армения» изучена досконально. Что же заставляет сегодня снова к ней обращаться? Прежде всего – время. Ведь время неизбежно накладывает свой отпечаток на восприятие как самой литературы, так и ее оценок. Об этом писал и сам Брюсов. Литературовед Камсар Григорьян в своей монографии «В.Я. Брюсов и армянская поэзия» приводит из архива поэта строки из его письма Погосу Макинцяну: «То, что мы сейчас считаем художественным, не считалось таковым 50, 100 и 1000 лет тому назад и, может быть, не будет считаться через 50, 100 и 1000 лет... Мы уверены сейчас, что вот то-то есть поэзия, а то-то не есть поэзия. Но, как мы в том ни убеждены, это суждение субъективное. Изменится философия, изменится эстетика, изменится мирозерцание, изменятся суждения». Примечательно, что К. Григорьян, посвятив отдельную главу статье Брюсова «Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков», заключает: «Прошло почти полвека с того дня, когда был написан вступительный очерк к «Поэзии Армении», и мы можем сказать, что основные положения Брюсова и поныне не потеряли своего научного значения» [Григорьян 1962:43]. Монография К. Григорьяна вышла в свет на русском языке в 1962 году (до этого она была издана на армянском). А сегодня уже не «почти полвека» – целый век отделяет нас от выхода в свет «Поэзии Армении», причем за последние 50 лет слишком многое изменилось... И это дает полное основание и право не просто отметить юбилейную дату, а вновь обратиться к самым

разным аспектам темы «Брюсов и Армения» в свете сегодняшнего дня.

Рассмотрим критические оценки В. Брюсова армянской поэзии, отраженные в открывающем антологию его слове «От редактора к читателю» и в обстоятельном историко-литературном очерке «Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков». Сегодня, перечитывая эти работы, можно выделить ряд вопросов. Прежде всего, это вопрос о том, какие мысли и суждения Брюсова об армянской поэзии выдержали проверку столетием и по-прежнему актуальны и востребованы, а какие – нет. Интересно также параллельно проследить, как трактовались и воспринимались брюсовские характеристики (имеются в виду и его высказывания обобщающего характера, и оценки творчества отдельных авторов) в армянском литературоведении в течение этого времени. Хотелось бы еще выделить отдельные точные, емкие наблюдения Брюсова, которые раскрывают, так сказать, «корневую» суть творчества тех или иных армянских поэтов.

Заметим, во-первых, что широко известны и зацитированы в самых разных статьях, исследованиях, докладах разных лет высказывания Брюсова об армянской поэзии обобщающего характера, напр.: «Знакомство с армянской поэзией должно быть обязательно для каждого образованного человека <...>» (не привожу эту и последующие цитаты целиком); о народных песнях: «Знакомясь с армянскими песнями, порой едва веришь, что это не тонко обдуманное создания какого-нибудь позднейшего поэта <...> А особое изящество форм и оригинальность подхода к каждому замыслу позволяет назвать армянскую народную поэзию песнями народа-художника»; о средневековой лирике: «Лирика армянского средневековья есть высшее и наиболее самостоятельное создание армянского народа в области поэтического творчества <...> Средневековая армянская лирика есть истинное торжество армянского духа во всемирной истории» [Брюсов 1987:38] и др. Эти и другие характеристики Брюсова стали и сегодня остаются как бы «визитной карточкой» многовековой армянской поэзии. Они всегда актуальны, и, думается, их значение не померкнет.

Пожалуй, единственное концептуальное мнение Брюсова, которое вызвало полемику среди армянских литературоведов, – это

его тезис о синтезе «двух начал»: восточного и западного – в армянской поэзии. Так, еще в 1963 году Сергей Даронян, отметив в своей рецензии на упомянутую монографию К. Григорьяна, что «автору удалось правильно и точно оценить наиболее важные выводы Брюсова, не утратившие значение и в наши дни», вместе с тем задается вопросом: «Непонятно, однако, почему К. Григорьян не полемизирует с Брюсовым по поводу его весьма спорной теории «синтеза» или «двух начал» в армянской поэзии. Известно ведь, что, говоря о «двуединстве армянского народного характера», отмечая, что «армянский народ, в самом его существе <...> одновременно и азиатский и европейский, Брюсов склонен был придавать этому «природному» фактору слишком большое значение. Отвлекаясь от конкретных социальных основ жизни армянского народа, он именно в этом «двуединстве» видел «ключ» к пониманию армянской народной поэзии» [Даронян 1989:389]. Эту же мысль встречаем и в статье С. Дароняна «Проблема литературных связей в работах В.Я. Брюсова по армянской литературе» (см. «Брюсовские чтения 1966»), где подчеркивается, что брюсовская теория «синтеза» или «двух начал» (восточного и западного) «подверглась серьезной критике в научной литературе», хотя конкретно авторы этих критических оценок не названы.

Более подробно тезис Брюсова о «двуединой» природе армянской поэзии рассмотрен и в коллективной вступительной статье к двухтомнику «Брюсов и Армения» (книга 1, сс.12-18). Авторы статьи – К. Айвазян, С. Даронян и Г. Татосян, не принимая данную теорию, при этом замечают, что отдельные выводы Брюсова (например, когда он рассуждает о поэзии армянского средневековья) «противоречат его же концепции «синтеза Запада и Востока», характеризовавшего все развитие («единство») армянской литературы на протяжении веков». Авторы считают также, что «объективный анализ творчества армянских поэтов приводит Брюсова к преодолению им же самим выдвинутой теории «синтеза Запада и Востока» и к правильному пониманию внутренних законов развития армянской поэзии» [Брюсов и Армения 1988:16,17].

Надо сказать, что не все литературоведы считают данную концепцию Брюсова ошибочной, противоречивой. Ованес Ганалаян приводит эти слова Брюсова о «синтезе двух начал», не

оспаривая их [Ганалаян 1991:5]. Наира Сейранян, основываясь на вышеприведенных нами цитатах из этой коллективной статьи, правомерно отмечает: «Однако, при всем уважении к вышеназванным авторам, хочется еще раз обратить внимание на точку зрения самого Брюсова: мог ли он не заметить этого «противоречия», если тезис о синтезе лейтмотивом проходит через обе его статьи, касающиеся Армении, и выделен в заключении к «Поэзии Армении» <...> Нам представляется, – обобщает автор, – что...брюсовская концепция армянского мира в контексте всех его исследований об Армении является вполне убедительной. В особенности потому, что понятие синтеза восточного и западного начал раскрывается у Брюсова как **явление нового качества** (подч. мной – М.Д.), сложившегося в процессе обогащения и развития всех элементов исторического и творческого процессов, многовариантного их сочетания с доминантой национального мировосприятия» [Сейранян, БЧ 2006:271,272]. А Левон Мкртчян в начале 80-х годов писал: «Может быть, ради стройности концепции о «двуединстве армянского народного характера» Брюсов слишком подчеркивает мысль о двух скрещивающихся началах (восточного и западного) в армянской культуре. В целом его тезис плодотворен и проверяется достижениями новейшей армянской литературы» [Мкртчян, БЧ:1983:268].

В связи с этим вопросом заметим следующее. Синтез ведь не означает нечто формальное, механическую сумму слагаемых. Синтез – это процесс, развитие, преломление, скрещивание, и все это протекает своеобразно. Тезис о синтезе двух начал в армянской поэзии отнюдь не мешает Брюсову разглядеть и отметить главное – **художественную ценность** произведений, о которых он говорит, и здесь ему на помощь приходят его тончайшая интуиция поэта и громаднейшая литературная эрудиция. И самое главное, что в своих характеристиках и оценках Брюсов **подчеркивает именно оригинальный, своеобразный художественный мир**, который открылся ему через армянскую поэзию. Напомним фрагмент еще одной зацитированной брюсовской цитаты: «<...> А как поэт, как художник я увидел в поэзии Армении такой же **самобытный** (подч. мной – М.Д.) мир красоты, новую, раньше неизвестную мне, вселенную, в которой блистали и светились высокие

создания подлинного художественного творчества» [Брюсов 1987:6]. И потом, не будем забывать слова самого Брюсова, сказанные в связи со средневековой армянской лирикой: «Но можно оставить в стороне эти нерешенные вопросы о степени влияния одной литературы на другую. В конце концов это не так важно, ибо **никакое благодетельное «влияние» не может создать искусства там, где нет его зерна** (подч. мной – М.Д.). Как ни удобрять и ни поливать землю, на ней не всколосится нива, если в почву не были брошены нужные семена» [там же:48]. Эти слова еще раз показывают, что, хотя Брюсов в своей статье обращается к вопросам влияний и проводит различные параллели, – самым важным и главным является для него выявить ценность многовековой армянской поэзии как поэзии национально самобытной и оригинальной.

Разумеется, не все суждения Брюсова об армянской поэзии оказались верными и выдержали проверку временем. Еще в монографии К. Григорьяна была оспорена мысль Брюсова о влиянии символизма на творчество Аветика Исаакяна [Григорьян 1962:67-72]. Нельзя согласиться и со словами Брюсова о том, что «в единую эпопею, подобную «Илиаде» и «Одиссее» или «Песни о Нибелунгах», армянские народные поэмы не спаялись». Отметим, что в период подготовки антологии было уже известно около 20 вариантов эпоса о сасунских богатырях, а в 1908 году в Тифлисе вышла в свет на армянском языке монография Манука Абегяна «Армянский народный эпос». Но Брюсов, естественно, мог о монографии не знать, а мнение это он выразил не без влияния своего литературного консультанта Погоса Макинцяна [Джанполадян 2012:25-29]. Нечетко проведена грань между произведениями Григора Нарекаци разных жанров: духовными песнями («тагами»), две из которых представлены в антологии в переводе самого Брюсова, и поэмой «Книга скорби» (которая и в отрывках не вошла в антологию). У Брюсова читаем: «Но слава Григория Нарекского основывается на сложенных им духовных песнопениях, которые справедливо называются «священными элегиями». До сих пор молитвенник Григория пользуется широким распространением в армянском народе, называясь просто «Нарек» [Брюсов 1987:43-44]. Но «Нарек» – так называют в народе «Книгу скорби». Это не духовные песнопения. Не убеждают и брюсовские

характеристики западноармянской поэзии конца XIX – начала XX века: «На смену Пешикташлян и Дуряну не пришел поэт с такой же стихийной силой дарования» [там же:84]. Назвав несколько поэтов, вошедших в литературу в 90-е годы, – Сипил, Левона Шанта, Ваана Текеяна и др., – Брюсов считает, что «из ряда этих поэтов ни один не создал своего цельного «мира» <...> Поэзия Мисака Мецаренца, который стал классиком армянской литературы, прожив всего 22 года, вообще не рассматривается; сказано только: «Есть большое мастерство в строгих стихотворениях (непонятно, почему «строгих» – М.Д.) Мисака Мецаренца, скончавшегося рано и не успевшего развить свое прекрасное дарование» [там же:85]. А говоря о поэзии Даниэла Варужана и Сиаманто, Брюсов почему-то в своей характеристике объединяет этих двух (таких разных!) поэтов, отметив влияние на их творчество французской поэзии, как в плане техники стиха, так и в тематике – «живой связи с окружающей действительностью», «живых образах» [там же:88]. Но ведь это поэты ярчайшей поэтической индивидуальности, между тем как индивидуальность их Брюсов определяет всего одним предложением, причем весьма необъективным: «Варужан более суров и жесток; Сиаманто более лиричен и женствен; но оба – истинные поэты».

В целом приходится констатировать, что страницы брюсовского очерка о поэзии «турецких армян» указанного периода – в частности, тех, чьи поэтические сборники стали выходить в свет в начале XX века (Даниэла Варужана, Сиаманто, Мисака Мецаренца), – не содержат, к сожалению, таких мыслей и наблюдений, в которых был бы раскрыт и охарактеризован их неповторимый творческий мир. И потому эта часть его статьи сегодня практически не востребована¹. Но тут, думается, нет вины Брюсова. Он не мог ознакомиться с творчеством этих поэтов в оригинале (Макинцян давал ему уроки восточноармянского языка); критические статьи о них тоже

¹ Русского читателя, интересующегося западноармянской поэзией и, в частности, названными поэтами, мы отсылаем к замечательной вступительной статье Эд. Джрбашяна «Поэзия скорби и борьбы» к сборнику «Армянские поэты нового времени». Л., («Библиотека поэта», Большая серия), 1983. С.30-54.

появлялись в основном в литературной периодике на западноармянском языке. Следовательно, ориентиром в оценке творчества этих поэтов ему, по всей вероятности, служили мнения армянских консультантов.

Обратимся теперь к другим высказываниям и оценкам Брюсова – высказываниям, которые и сегодня, спустя столетие, звучат также свежо и современно, и которые литературоведы и критики, ссылаясь на авторитетное мнение Брюсова, всегда цитировали и цитируют сегодня в подтверждение тех или иных своих мыслей и суждений. Во-первых, заметим, что, основываясь на одном только варианте армянского героического эпоса, первую часть которого сам Брюсов перевел для антологии (это вариант «Давид и Мгер», записанный и опубликованный Мануком Абегианом в 1889 г.), он в своем вступительном очерке фактически первым в эпосоведении (в том числе и армянском) сделал очень ценное наблюдение, где выделена одна из характерных черт армянского эпоса – отсутствие контрастных красок в обрисовке героев: если положительный герой, то у него нет отрицательных черт, а если отрицательный – наоборот. Выделив такие черты главного героя эпоса Давида, как безмерная сила, храбрость, честность и т.д., Брюсов одновременно подмечает: «Но в поэме придана Давиду и комическая черта, оттеняющая его благородство: наивная простота, <...> которая доводит героя до самых опасных положений; кроме того, Давид – косноязычен, способен увлекаться, порой совершает явные промахи, – все это сообщает образу жизненную правдивость. Рядом с Давидом очертан в поэме ряд других лиц, в характеристике которых также соединены светлые и темные черты, например, дядя Давида – Ован; даже в «злодее» поэмы, великане Мысрамелике, мелькает что-то привлекательное» [Брюсов 1987:40]. Точность и ценность этого наблюдения подтверждается, в частности, и вступительной статьей Л. Мкртчяна к изданию сводного текста «Давида Сасунского» 1982 г., – статьей, написанной спустя более чем полвека после брюсовского вступительного очерка, на основе изучения около 70 вариантов эпоса: «Эпос изображает характеры сложные, эпос не знает примитивного деления героев на сугубо положительные и сугубо отрицательные. Эпос пишет людей неоднозначных» [Мкртчян 1982:32].

Характеризуя творчество того или иного автора, Брюсов, проявляя знания и подход ученого-исследователя, критика, выражает свое отношение еще и как поэт. Он даже к вопросам, имеющим, казалось бы, сугубо историко-литературное значение, подходит прежде всего как поэт. Одним из таких вопросов был в период создания очерка вопрос о Наапете Кучаке. Свой разговор о нем Брюсов начинает так: «К XVI в., вероятно, относится и поэзия Наапета Кучака. Теперь установлено, что он не имеет ничего общего, кроме имени, с тем поэтом Кучаком, который жил в начале XVI в. в области Вана; Наапет Кучак, по-видимому, был родом из окрестностей Акина (Эгины), так как стихи его по языку, по складу, по отдельным выражениям близко напоминают местные народные песни». Заметим, что здесь в изложении Брюсова употреблены наречия «по-видимому», «вероятно», т.е. он высказывает мнения, окончательно не утвердившиеся. Но при этом он тут же четко выражает свой собственный взгляд: «Но кто бы ни был исторический Наапет Кучак и на какие бы годы точно ни падала его жизнь (**во всяком случае, он жил в конце средневековья**) (подч. мной – М.Д.), – стихи его остаются прекраснейшими жемчужинами армянской поэзии» [Брюсов 1987:55].

Брюсов здесь как бы предвосхитил наличие споров, связанных с Кучаком, не только в вопросе, откуда поэт родом, но и в том, в какое время он жил. Ведь армянские ученые позднее, уже после выхода в свет антологии (в частности, М. Абемян в конце 20-х гг., а также А. Мнацаканян и Л. Хачикян в конце 50-начале 60-х гг.), утверждали в своих работах, что айрены следует относить к XIII-XIV векам [Мкртчян 1975:6-7]. Но Брюсов, отметивший, что переход «к чисто субъективной лирике» произошел в армянской поэзии в XIII-XIV веках [Брюсов 1987:50] и что поэт этой эпохи Костандин Ерзнкаци «был и первым, кто коснулся мотивов любви, ставших затем одной из господствующих тем армянской поэзии», с присущей ему поэтической интуицией чувствовал, что тема любви, в эти века только-только входя в армянскую поэзию, не могла сразу же быть выражена словами и образами, передающими довольно интимные (при этом остающиеся высоко поэтичными) отношения между мужчиной и женщиной, как, к примеру, в одном из переведенных им же самим айренов Кучака:

О ночь, продлись! останься, мгла! стань годом, если можешь, ты!
Ведь милая ко мне пришла! стань веком, если можешь, ты!
Помедли, утра грозный час! ведь игры двух тревожишь ты!
Где радость? в скорбь ты клонишь нас! ты сладость гонишь темноты!
[Брюсов 1987:227]

Поэтому он и высказал предположение, что Кучак жил в конце средневековья.

В брюсовской характеристике предвосхищено решение еще одной связанной с именем Кучака проблемой, которая стала в последующие десятилетия одной из актуальных и дискутируемых: это проблема авторства айренов. Дело в том, что М. Абемян и названные выше ученые в своих трудах проводили еще и ту точку зрения, согласно которой айрены не имеют никакого отношения к Кучаку: это средневековые народные песни. И надо отметить, что во второй половине прошлого века эта точка зрения, хотя и постоянно оспаривалась, но в определенные периоды становилась официальной. Достаточно сказать, что в школьных учебниках по армянской литературе первых лет после обретения Арменией независимости имя Наапета Кучака вообще отсутствует. В главе «Айрены» отмечено: «Долгое время эти песни приписывались ашугу XVI века Наапету Кучаку. Однако доказано, что их авторы – народные певцы, гусаны, чьи имена нам неизвестны» [Бахчинян, Саринян 1996:136]. Правда, впоследствии имя Кучака было возвращено армянской литературе – во многом благодаря усилиям академика Гранта Тамразяна, возглавившего коллективный труд преподавателей Ереванского госуниверситета по созданию объемистого сборника (более 600 страниц) «Поэтический мир Наапета Кучака» и снабдившего этот сборник обстоятельной вступительной статьей [Тамразян 2001:9-82]. В свете всего сказанного хочется еще раз отметить поэтическую интуицию В. Брюсова, который еще в 1915 году охарактеризовал индивидуальность этого поэта («Среди всех средневековых лириков Кучак выделяется непосредственностью и безыскусственностью своих вдохновений», [Брюсов 1987:56] и высказал свое четкое мнение о том, что нельзя айрены Кучака «растворять» в народном творчестве безымянных авторов.

Приводя мнение (очевидно, уже известное Брюсову в те годы), что «Кучак был только собирателем народных песен, <...> что в его стихах встречаются мотивы, <...> бесспорно принадлежащие народной поэзии», Брюсов замечает: «Такое мнение опровергается, однако, явным оттенком некоторой книжности (не в дурном смысле слова), лежащим на других стихах Кучака: он мог пользоваться народными песнями как материалом, но многое обрабатывал самостоятельно и своеобразно». И примечательно, что те армянские литературоведы, которые активно возражали против того, что айрены – это народные песни, а не плод творчества поэта (неважно, как его звали), ссылались на цитированные выше слова Брюсова. Так, Левон Мкртчян, инициатор издания целого ряда сборников Кучака на русском и других языках, снабженных его предисловиями, примечаниями, подстрочными переводами, приводит эти слова в своей статье «Валерий Брюсов и вопросы изучения классической армянской поэзии». «Замечания Брюсова, – подчеркивает он, – ценны и интересны в свете современных споров о Кучаке и его биографии. Ясно одно, что, если имя автора стихов неизвестно, то нельзя на этом основании стихи считать народными гусанскими песнями» [Мкртчян, БЧ:1983:268].

Что же касается характеристики самого поэтического мира Кучака, то и здесь брюсовские наблюдения не утратили и сегодня своей ценности. Вот хотя бы одно из них: «Он независим в выражении своих чувств, – замечает Брюсов, – он ближе к уличной толпе, нежели к дворцовым ступеням <...> Единственный султан, перед которым Кучак склонял голову, была его вечная и властная повелительница – любовь» [Брюсов 1987:57].

Из брюсовских характеристик и оценок творчества поэтов армянского средневековья, отличающихся своей точностью и емкостью и сполна сохранивших свое значение в наши дни, отметим и его оценки поэзии Фрика и Сяят-Новы. «Дух свободной критики, – пишет Брюсов о Фрике, – **впервые** (подч. мной – М.Д.) загорается в этих стихах армянского вольнодумца XIV века <...>» [там же:50]. Брюсов одним словом «впервые» фактически сразу отметил значение Фрика и его место в армянской поэзии, потому что до Фрика никто так открыто и наглядно не обнажал несправедливости жизни, несправедливость

Бога как по отношению к целым народам (конечно, он имел в виду прежде всего армян), так и по отношению к обычному человеку, к его судьбе. Фрика характеризует Брюсов и когда говорит о поэтах следующих поколений. Он пишет, что «армянские поэты шли своей дорогой, продолжая дело двух Ерзнкайских певцов и, частью, **желчного** (подч. мной – М.Д.) Фрика». А в слове о Мкртиче Нагаше, поэте XV века, Брюсов отмечает, что, «развивая темы Фрика, он (Нагаш – М.Д.) не возобновляет его **дерзостного** (подч. мной – М.Д.) спора с творцом» [там же:51,53]. Из этих двух цитат видно, что Брюсову удалось выразить главное в поэзии Фрика, суть его творчества – одним эпитетом, одним определением.

Этот пример с Фриком – не исключение. Слово Брюсова – исследователя и критика армянской поэзии – ёмко, образно. И если говорить о «синтезе двух начал» в манере изложения самого Брюсова, то здесь можно явственно проследить синтез, в котором слились исследователь-критик и поэт. Речь даже не о том, что некоторые его характеристики (например, средневековой армянской лирики – «Сияющая всеми семью цветами радуги, переливающаяся блеском всех драгоценных камней, благоуханная, как полевые цветы и как изнеженные ароматы <...>» [там же:48] и т.д., – где следуют одно за другим блистательные образные сравнения), не теряя своей научной ценности, покоряют поэтичностью слога. Мы хотим отметить, что в брюсовских характеристиках творчества армянских поэтов можно найти слова, которые, как в поэзии, емки, многослойны, имеют подтекст, «раскрывают» свою глубину... Это, так сказать, ключевые слова. Один эпитет, один глагол, одно словосочетание могут стать ключиком, которым читатель откроет дверцу в неповторимый мир того или иного поэта, почувствует его индивидуальность, характерные стороны творчества. Это еще как бы слова-формулы, т.е. они могут раскрываться, становиться предметом отдельного анализа. Возьмем хотя бы брюсовскую характеристику поэзии Саят-Новы. Мы сейчас не имеем в виду общие оценки его творчества (их несколько – и в слове «От редактора к читателю», и в самом вступительном очерке), где Брюсов отмечает значение Саят-Новы не только для армянской, но и для мировой поэзии. Они тоже не раз цитированы, как

зацитирована и следующая мысль: «Содержание стихов Саят-Новы на первый взгляд – однообразно; однообразными кажутся и формы его стихотворений. Но какое неисчерпаемое разнообразие сумел вложить поэт в эту кажущуюся однотонность!» <...> (с. 62). Мысль эта, как известно, завершается так: «Поистине Саят-Нову можно назвать “поэтом оттенков” <...> Но как в то же время остры, глубоки и сочны в песнях Саят-Новы эти “оттенки”: их воспринимаем мы как самые яркие цвета <...> Тонкой и нежной кистью живописал Саят-Нова, и тем больше очарования в его всегда пленительных стихах» [там же:62]. Эти слова Брюсова – словно золотой ключик для раскрытия поэтической индивидуальности Саят-Новы, и они никогда не утратят своей ценности и значения.

Называя Саят-Нову «поэтом оттенков», Брюсов, конечно, прежде всего имел в виду образы, сравнения, которыми поэт выражал свои чувства. Заметим, что сам Саят-Нова видел своеобразие и значение своей поэзии именно в словесном, образном арсенале своих песен:

Не всем мои писанья чтить: особый смысл у слов моих!
[Брюсов 1987:256]

Брюсовские слова о том, что Саят-Нова – «поэт оттенков», цитируются во многих литературоведческих работах, посвященных Саят-Нове. Так, Паруйр Севак пишет в своей монографии о поэте: «Его синонимический словарь содержит такое богатство, что “счетоводами” этого богатства стали даже представители других народов. В. Брюсов, к примеру, говорит именно об этом, когда находит в песнях Саят-Новы потрясшее его **“неисчерпаемое разнообразие в кажущейся однотонности** (подч. автором – М.Д.) и создателя этих песен по праву называет “поэтом оттенков”» [Севак 1969:151,158]. Сам Паруйр Севак «раскрывает» эту формулировку Брюсова, приводя характерные примеры из песен Саят-Новы. Об образном богатстве в лирике Саят-Новы говорит и Л. Мкртчян в своей вступительной статье к сборнику «Армянская средневековая лирика»: «В этом буйстве образов и красок виден большой мастер, искусно повелевавший миром метафор и сравнений, в которых сливались поэзия жизни

и поэзия воображения. Поэт сохранил самобытность при явной традиционности многих его стихов <...> Палитра Саят-Новы не знает обесцвеченных красок, стертых образов», – замечает он. И еще одно наблюдение автора, близкое к Брюсовскому: «При всей яркой живописности стиха Саят-Новы, в его песнях многое значили нюансы, выражающие маалейшие движения чувств и настроений» [Мкртчян 1972:55,56]. К образной системе поэта обращается и В. Налбандян, выделяя в ней «повторенные в разных вариантах символы любви – опаляющее пламя и нежную розу», говорит о разнообразных сравнениях [Налбандян 1982:45,46]. Отметим, однако, что, на наш взгляд, еще не все сказано о Саят-Нове как «поэте оттенков», – настолько «объемна» эта Брюсовская мысль. Она может быть подтверждена и другими многочисленными примерами, на которые обратят внимание будущие исследователи.

Рассмотрим и некоторые характеристики представителей новой армянской поэзии, которые несут на себе печать личности Брюсова не только как исследователя и критика, но и как поэта. Брюсов говорит о Петросе Дуряне, что он «прорезал небосклон армянской поэзии как яркий метеор». Снова перед нами образное сравнение, в котором – и значение творчества Дуряна, и его судьба <...> Словом «прорезал» Брюсов подчеркнул кратчайший, молниеносный жизненный путь Дуряна, прожившего всего 20 лет <...> Вот еще одно Брюсовское наблюдение: «Романтик и по убеждениям и по природе, Дурян в своих сравнительно немногочисленных песнях прокричал миру о своей страстной любви к родному народу, о своей вере в самого себя, о своих страданиях, которые были бы страданиями каждого мыслящего человека в окружавшей поэта среде <...>» [Брюсов 1987:68,69]. Казалось бы, критик отмечает характерные мотивы творчества поэта. Но обычный критик вряд ли употребил бы слово «прокричал». Он предпочел бы более нейтральные слова: «выразил», «отобразил», «сказал» и др... А слово «прокричал», выбранное Брюсовым, поэтически емкое, потому что оно одновременно подчеркивает и бурный темперамент Дуряна, т.е. характеризует его творческую индивидуальность. Брюсов потом снова возвращается к темпераменту Петроса Дуряна как отличительной черте его поэзии: «Юноша Дуриан остается в

истории армянской поэзии как яркий, огненный штрих: среди других, более спокойных поэтов он показал, что значит в творчестве «темперамент», сила непосредственных переживаний <...>». Примечательно, что не всегда бурные переживания поэта проявляются явственно, как, скажем, в стихотворениях «Отказ», «Моя смерть», «Моя скорбь», «Ропоты» и др.... Но скрытые волнения души всегда наличествуют в его стихах. Ведь сам поэт сказал о себе в стихотворении «Что говорят»: «О, бури мои – на дне!» (перевод подстрочный). Эта строка стала у армян крылатой. Брюсовская характеристика поэзии Петроса Дуряна и сегодня сохраняет свое значение.

Ценными и востребованными в наши дни являются и рассуждения Брюсова о поэзии Рафаэла Патканяна. «Значение поэзии Патканяна трудно оценить в полной мере читателю не-армянину, – пишет он. – Ее основная сила в чувстве высокого патриотизма, в той огненной и бескорыстной любви к родному народу, которая выражается не в одних дифирамбах, но в горьких сатирах. Он <...> умел разить гневными стрелами всё, заслуживающее таких ударов» [там же:72,73]. Далее, рассуждая о разных проявлениях патриотизма в стихах поэтов, Брюсов подчеркивает особенность и характер патканяновского патриотизма: «Его не ослепляет любовь, он видит грехи и язвы родного народа, но вместе с тем знает, за что его любит и что в нем любит. Это – **патриотизм действенный** (подч. мной – М.Д.), обязывающий не к безличным восторгам, но к решающим поступкам». Примечательно, что, хотя в самой антологии не нашли места сатирические стихи Патканяна (они и до сих пор не переведены на русский язык), Брюсов счел необходимым упомянуть их, поскольку именно сатирические стихи (такие, как «Армянин и армянство», «Армянский юноша со столичным образованием», «Армянская девушка со столичным образованием», «Плевок армян» и др.) особенно ярко раскрывают суть патканяновского понимания патриотизма, которое Брюсов определил одним метким словом – «действенный». Как пишет поэт в стихотворении «Армянин и армянство», ни знание армянского языка, ни фамилия на «ян», ни национальные кушанья или одежда и другие внешние признаки еще не дают человеку права называться армянином. Армянин – это тот, для

кого интересы родины и ее судьба превыше всего, кто самоотверженно и бескорыстно служит этим интересам, кто готов ради родины на всё. Все остальное в жизни человека – богатство, слава, успехи – по Патканяну, не имеет никакой цены. Характерны строки из его стихотворения «Плевок армян»:

Ты много учился, стал ученым,
Люди тебя повсюду восхваляют.
Но если от твоей учености нет пользы Армении, –
Плевали мы на тебя и на твою ученость.

(перевод подстрочный)

[Патканян 1980:93]

Так что и характеристика Брюсовым поэзии Рафаэла Патканяна сегодня несколько не устарела, напротив, в свете реалий сегодняшнего дня она звучит как нельзя более актуально.

Верно определена Брюсовым и та роль, которую сыграл в истории новой армянской поэзии Ованес Ованнисян (Иоаннес Иоаннисиан, как называет его Брюсов). «Иоаннисиан, – пишет он, – во многих отношениях **был создателем новейшей фазы новой армянской поэзии**» (с.77, подч. мной – М.Д.). Брюсов раскрывает этот свой тезис: «Иоаннисиан словно ставил себе задачей – указать все пути и дать все образцы лирики. Песня, ода, элегия, обработка исторической легенды, философское раздумье – все эти и другие основные формы лирики были любовно и тщательно культивированы Иоаннисианом<...> Выдающейся особенностью поэзии Иоаннисиана является ее близость к народной песне<...> Поэт обработал некоторые древнейшие песни и предания, воспользовался мотивами и приемами народной лирики, и некоторые стихотворения Иоаннисиана вернулись в народ: поются, как подлинные народные песни, утратив имя своего автора» [Брюсов 1987:77].

Заметим, что мысль Брюсова о поэзии Ов. Ованнисяна как о новом этапе в поэзии восточных армян полностью поддержал Ованес Туманян. В конце 1916 года, на вечере Кавказского общества армянских писателей, он обратился к молодым армянским поэтам с речью, которую начал так: «Поэзия восточных армян прошла через три периода своего развития. В

1857 г. студент Р. Патканян издал свой первый сборник стихов – «Национальный песенник» и положил начало первому ее периоду. Спустя 30 лет, в 1887 г., издал свою первую книгу стихов студент О. Иоаннисиан и открыл второй период армянской поэзии. Прошло еще 30 лет, и в 1908 г. В. Терьян, тоже студент, выпустил в свет свой поэтический сборник – «Грезы сумерек», и начался третий, новейший период армянской поэзии, о котором торжественно говорим мы сегодня в Обществе армянских писателей» [Туманян 1969:302].

Действительно, Ов. Ованнисян разнообразил и обогатил армянскую лирику и в тематическом, и в жанровом отношении. Очень важно также, что он обратился к фольклору. Он обозначил и открыл пути, по которым потом стало развиваться творчество двух великих поэтов – Ов. Туманяна и Ав. Исаакяна.

Что касается брюсовской характеристики творчества Ованеса Туманяна, то это, на наш взгляд, как раз тот случай, когда оценка русского поэта, данная в одном предложении, становится формулой, которая может раскрываться многократно, с разных сторон, с разными акцентами. Вот слова Брюсова: «В целом, поэзия Туманяна есть сама Армения, древняя и новая, воскрешенная и запечатленная в стихах большим мастером» [Брюсов 1987:78,79]. И не случайно эти слова очень часто цитировались и цитируются армянскими туманяноведами, исследующими самые разные вопросы творчества «поэта всех армян».

И еще одно очень ценное наблюдение о поэмах Туманяна, рисующих жизнь армянской деревни на рубеже веков – «Стенания», «Маро», «Лориец Сако», «Ануш». В этих поэмах, по мнению Брюсова, «сказывается всестороннее знание народной жизни и живое проникновение в глубь народного духа. Для читателей другого народа, – читаем в очерке, – знакомство с поэмами Туманяна (напр., с его «Ануш») дает больше в познании современной Армении и ее жизни, чем могут дать толстые тома специальных исследований». Отметим, что и эта мысль часто цитируется; кроме того, в армянском туманяноведении раскрыто новаторство поэта в отображении народной жизни, с учетом поступательного развития новой армянской литературы. Это показал Эд. Джрбашян в своей монографии «Поэмы Туманяна».

Выявив особенности туманяновского отображения народной жизни и быта в названных поэмах, автор обобщает: «Туманян преодолел описание быта как самостоятельную тему, как объект сугубо этнографического интереса, и углубил его художественное значение <...> Быт органически сливается у него с психологией героев, их поступками, с картинами массовых сцен, становится естественной почвой для больших художественных обобщений» [Джрбашян 1964:162]. Это, по мнению известного туманяноведа, было одним из достижений туманяновского реализма и всей армянской литературы. А заключает Эд. Джрбашян свою мысль двумя вышеприведенными цитатами Валерия Брюсова о творчестве Туманяна...

* * *

Итак, спустя столетие после выхода в свет знаменитой антологии «Поэзия Армении», мы считаем необходимым подчеркнуть, что многие брюсовские характеристики и оценки как общего характера, так и творчества отдельных армянских поэтов, не устарели. Они сохраняют свое литературно-критическое значение. Это живые, точные, меткие, образные, запоминающиеся высказывания, которые и сегодня остаются востребованными и продолжают будить литературоведческую мысль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айвазян К., Даронян С., Татосян Г. Брюсов и Армения // Брюсов и Армения. Кн.1. Ереван, 1988.
2. Бахчинян Г., Саринян С. Армянская литература. Учебник. Ереван, 1996. (на арм. яз).
3. Брюсов В.Я. Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков // Поэзия Армении. Факсимильное издание антологии 1916 года. Ереван, 1987.
4. Ганалаян Ов. Подвиг Валерия Брюсова. Ереван, 1991.
5. Григорьян К. В.Я. Брюсов и армянская поэзия. М., 1962.
6. Даронян С. Содружество культур // Брюсов и Армения. Кн. 2. Ереван, 1989.
7. Джанполадян М. «Давид Сасунский» в русских переводах и критике. Ереван, 2012.

8. Джрбашян Эд. Поэмы Туманяна. Ереван, 1964 (на арм. яз.).
9. Джрбашян Эд. Поэзия Туманяна. М., 1969.
10. Мкртчян Л. Валерий Брюсов и вопросы изучения классической армянской поэзии // Брюсовские чтения 1983 года. Ереван, 1985.
11. Мкртчян Л. Вступительная статья // Наапет Кучак. Сто и один айрен. Ереван, 1975.
12. Мкртчян Л. Героико-патриотический эпос армянского народа // Давид Сасунский. Армянский народный эпос. Л., 1982.
13. Мкртчян Л. От «Рождения Ваагна» до Саят-Новы // Армянская средневековая лирика. Л., 1972.
14. Налбандян В. Певец человека и любви // Саят-Нова. Стихотворения. Л., 1982.
15. Патканыан Р. Сочинения. Ереван, 1980 (на арм. яз.)
16. Севак П. Саят-Нова. Ереван, 1969 (на арм. яз).
17. Сейранян Н. Концепция армянского мира в творчестве В. Брюсова // Брюсовские чтения 2006 года. Ереван, 2008.
18. Тамразян Г. Поэтический мир Наапета Кучака // Поэтический мир Наапета Кучака. Ереван, 2001 (на арм. яз).
19. Туманян Ов. Слово начинающим поэтам // Ов. Туманян Избранные произведения в 3-томах. Т.3. Ереван, 1969.

MAGDA JANPOLADYAN – VALERY BRUSOV’S CRITICAL EVALUATION OF ARMENIAN POETRY A CENTURY LATER

The article is about Valery Brusov’s evaluation of centuries-old Armenian poetry – both general characteristics and views of the works of individual poets. It is clear that many of Brusov’s estimations are unique with deep insight of Armenian poetry. They have not lost the scientific and critical value a century later and are relevant today.